

Когда я прихожу к Елене Камбуровой, она зажигает свечи. В двенадцать часов дня. Но в ее доме это не удивляет. Потому что этот дом так же непохож на другие артистические дома, как и его хозяйка — на известных представителей музыкального мира.

— По-моему, большую часть вашей жилплощади занимают книги...

— Я с грустью смотрю на это огромное количество книг. Проходит день, другой, неделя, и я спрашиваю себя вечером: «Ну, я что-нибудь прочитала сегодня? — Нет...». Я безумно люблю книги. Это моя сладчайшая мечта: сидеть дома и читать, читать, читать...

— К каким авторам вы сейчас обращаетесь?

— К Герману Гессе. Он сочетает в себе дар прекрасного писателя и величайшего философа, Учителя... Я много читаю Айванхова. Когда совсем тяжело, за его книги я хватаюсь, как за соломинку... И еще слушаю музыку — мягкую, нежную, тихую. Это лекарство для меня.

— Лекарство от чего?

— От сегодняшней жизни, к которой я никак не могу адаптироваться. Меня убивают всеобщая грубость и жлобство (жуткое слово, но иначе не скажешь), невероятная меркантильность... Это чувствуется в нынешней журналистике, в телеведущих, в наших политиках, которые и говорить-то толком не умеют. Фантазмагория какая-то... Многое из того, что происходит, я умышленно не замечаю. Стараюсь не читать каких-то газет, как можно реже включаю телевизор, чтобы не усиливать тот дискомфорт, которого и так хватает.

— Но невозможно жить с закрытыми глазами...

— У меня есть свой собственный закон — «закон травинки». Представьте себе Куликово поле, сражение, кровь... А в пяти метрах от этого поля — травинка, и на нее смотрит солнце, ее поливает дождь, и она растет. А потом другая травинка вырастет на пепелище...

не поддается переделке. Они сохраняют свой внутренний мир, как заповедник. И сами являются таким заповедником — от слова «заповеди»...

Большая часть моих слушателей — это интеллигенты. Не только в том смысле, что они умеют вести себя, разбираются в искусстве и хорошо говорят. У меня свое понимание слова «интеллигентность». Я знакома с образованнейшими и начитаннейшими людьми, но это... в них входит и выходит. Они, как коробка с ценностями — но все-таки коробка. А мне нужны ценности.

— Кроме литературы и музыки, что еще вдохновляет вас на творчество?

— Природа. Это поистине мощный стимул. Природа, элементарно и безумно красивая.

— А вообще состояние, когда хочется творить, появляется часто?

— Я могла бы, кажется, творить все время, но жизнь строится так, что многое этому мешает. Мне, увы, так и не удалось научиться рационально распоряжаться своим временем. Если бы я умела не терять его даром, было бы больше песен, больше выступлений.

— Что должно быть в песне, чтобы вам захотелось ее исполнить?

— Тема абсолютно не важна. Важно благородство помыслов. Важно, если песня трагическая, заставить человека переживать не только свое горе, но и чужую драму. Ведь если нас волнует судьба Мандельштама, — значит, мы люди. Если нам все равно, — значит, мы те самые квадраты, из которых и состоит сейчас большая часть общества.

— Мне всегда казалось, что в музыке вы одиноки. А оказывается, у вас есть целый театр...

— Долгое время я действительно была путником в пустыне. Но однажды меня пригласили в качестве члена жюри на конкурс актерской песни, и там я нашла людей, которым было важно не только как спеть (потому что спеть хорошо можно и самую пустую песню), но и что спеть.

— Вы не колебались перед тем, как сог-

Теневая актриса

ВЕР. МОСКВА — 1995 — 29 июля — 02 ЗАПОВЕДНИК Елены Камбуровой

Другими словами: если ты можешь что-то делать — делай. Надо расти, не оглядываясь на тот укус, который царит кругом... Это, если хотите, сознательный уход в свой собственный мир.

— Чему есть место в вашем мире?

— Всей доброте человеческой, всему светлостному, умению чувствовать друг друга и видеть жизнь не только как повод к накапливанию благ...

— Вокруг вас много людей, которые думают так же?

— К счастью, да. Если бы их не было, у меня просто не хватило бы мужества жить.

— В каком времени вам нужно было родиться, чтобы чувствовать себя комфортно?

— Боюсь, что ни в одном веке не было такого общества, о котором я мечтаю. Можно разве что представить себе людей, среди которых мне было бы хорошо. Скажем, мой зрительный зал увеличить до масштаба... целой страны. Такого общества, конечно, никогда не было, но это ведь не значит, что и быть не может. Представьте себе, что рождается ребенок и его начинают воспитывать культурные, интеллигентные родители, которых, в свою очередь, вырастили такие же люди... Но нет, такого все-таки действительно не бывает. Почему? Чего-то я здесь не понимаю...

— Ваш зритель, остающийся вам верным долгие годы, — какой он?

— Это люди, у которых очень много общего со мной в плане восприятия мира. Они — из читающих, из умеющих расслышать, из умеющих слушать, из тех, кому очень тяжело сегодня в купленной культурной массовке.

Мои зрители — из породы людей, которым очень трудно приспособиться к нынешней жизни. Все то глубинное, что заложено в них,

ласиться стать членом жюри?

— О нет, судейство — это не моя история. Я долго на это не решалась. Но потом поняла, что мой голос, может быть, поможет кому-то талантливому и очень близкому мне человеку.

— Я знаю, что многим артистам вашего театра предлагают выгодные контракты, зарубежные гастрольные туры и т.п. Вы как-то сказали, что, к счастью, они от этого отказываются. Почему вы не желаете им такой вроде бы благополучной судьбы?

— Потому что очень хорошо знаю сегодняшнюю, да и вчерашнюю эстраду, как она разбазаривает человеческую личность.

— А вам не кажется, что, если они выберут ваш путь, им придется очень трудно?

— Но им будет гораздо тяжелее, если они уйдут из своего мира в мир тусовок, потому что оттуда вернуться назад невозможно. Я объясню это на своем примере. Меня всю жизнь воспитывали мои песни, делали меня такой, какая я есть. Песни — мои величайшие учителя.

...А что касается этих ребят, я надеюсь только на чудо. Но то, что у этих артистов появится возможность устраивать концерты и собирать залы. Для интеллигентного зрителя.

— Недавно вам присвоили звание народной артистки России. Что это значит для вас?

— Я всю жизнь ощущала себя «теневой актрисой». В прежние времена, боясь цензуры, старалась выступать тихонечко. Да и сейчас существую в искусстве тихо — правда, по другим причинам: ни телевидение, ни радио меня не балуют... Поэтому то, что мне присвоили звание, — это своего рода признание того, что я есть.

Лариса ХАВКИНА